

статьи; с помощью кавычек и в примечаниях он отмежевывается от марксистских выводов.

Несколько слов в заключение. Большая часть статей, помещенных в рассматриваемом журнале, отличается высоким исследовательским уровнем. Однако наряду с ценными исследованиями встречается ряд подробных решений совсем незначительных вопросов, в то время как основным проблемам, особенно экономическим и общественным, посвящено минимально мало внимания. В тех же случаях, когда авторы ставят более широкие проблемы, в большинстве своем они проводят традиционные, часто модернистские, теории или приходят, как, например, Нильсон, к совершенно антиисторическим выводам.

Ян Печурка (Прага)

ИЗ НОВОЙ ЮГОСЛАВСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПО ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

(Краткие аннотации)

В современной югославской литературе по древней истории преобладают работы, посвященные прошлому югославской территории, северных областей Балканского полуострова и придунайских стран. Встречаются также работы по истории Греции и Рима или по истории античной культуры, но их немного и они посвящены лишь некоторым специальным вопросам. В настоящем обзоре вначале будут рассмотрены публикации эпиграфических памятников, далее исследования из области эпиграфики, древней ономастики, исторической топографии, работы, посвященные отдельным вопросам античной культуры, и т. п. Затем рассматриваются работы, построенные преимущественно на археологическом материале.

D. Rendić-Miočević, Novi i neobjeđanjeni natpisi iz Dalmacije, «Vjesnik», LIII (1952), стр. 211—232. Публикация более сорока латинских надписей эпохи империи из различных мест Далмации, преимущественно с адриатического побережья. Среди них — votивы и надгробия, интересные наличием местных имен и принадлежностью некоторых посвятител к категории вольноотпущенников. Интересна надпись в честь Геренния Ясона, префекта *collegii fabrum et centonariorum*, содержащая перечисление его званий и должностей (№ 36). Памятная надпись Марка Сатрия Валента, вольноотпущенника и севира, соорудившего памятник себе, жене, детям, *libertis libertabusque eorum* (№ 24), любопытна по своей необычной формуле.

M. Suić, Novi natpisi iz sjeverne Dalmacije, «Vjesnik», LIII (1952), стр. 233—248. Публикация 36 надписей из северной Далмации (Либурнии), среди которых несколько votивов Юпитеру, Сабазию, нимфам. Весьма любопытен votив с фрагментированным рельефным изображением Дианы на стеле с подписью: *D(ianae) a(ugustae) s(acrum) [E]uhemer(us) servus Aug(usti) v(otum) l(ibens) s(olvit) m(erito)*.

Имеются также посвящения Сильвану и два votива императорам III и IV вв. Кариу и Грациану. Интересен votив *maenae deorum matri augustae* на фрагментированной стеле с изображением богини, совершенный некоей Верридией Психе, из древней Сении, где найдены также и остатки самого метроона, сооруженного из красного мрамора (см. «Arheoloska istrasivanja u Senju», там же, стр. 251 сл.).

D. Rendić-Miočević, Novi ilirski epigrafski spomenici iz Ridara (Municipium Riditarum), «Glasnik», VI (1951), стр. 49—64. Публикация 16 латинских надписей, найденных на территории древнего Ридера (совр. Данило, близ Шибеника). Три надписи содержат посвящения Сильвану, одна — Юпитеру, остальные представляют собой почти исключительно надгробия позднеримского времени, с местными именами,

в сочетаниях, свидетельствующих о далеко зашедшем процессе романизации Далмации.

D. Sergejevski, Novi i revidirani rimski natpisi, «Glasnik», VI (1951), стр. 301—310. Публикация 17 обломков латинских надписей, найденных в сороковых годах в Боснии, а также републикация двух надписей, известных ранее, для которых автор предлагает новые чтения. Среди находок — votивы Юпитеру (в том числе *ex voto* бенефициария V македонского легиона), votивы Сильвану и Гераклу. На одной из републикуемых надписей автор читает распространенное кельтское имя *Argo*.

B. Gabričević, O nekim mitričkim natpisma Sarajevskog muzeja, «Glasnik», VIII (1953), стр. 141—144. Изучая латинские монограммы на двух каменных квадратах Сараевского музея, происходящих из Голубиче близ Бигача (в сев. Боснии), автор расшифровывает их как обозначения священных митраистских титулов. Из этого он делает вывод о существовании в древности митреума в Голубиче. Он также обращает внимание на то, что на митраистском рельефе из Коньича имя Митры читается в косвенном падеже *Meteri* (а не *Metri*, как читал Патч). Автор допускает возможность идентификации имени иранского божества с каким-либо местным доримским именем. Митраистские памятники из Голубича датируются им IV в. н. э.

D. Rendić-Miočević, Iliri u natpisma grečkih kolonija u Dalmaciji, «Vjesnik», LIII (1952), стр. 25—57. Рассматривая собственные имена, встречающиеся в греческих и латинских надписях на далматинском побережье и близлежащих островах, автор отмечает высокий процент иллирийских местных и личных имен и полное совпадение многих из них с именами мессапийской эпиграфики южной Италии (Саллентинского п-ва). Таковы *Drossos*, *Blatios* из надписей, найденных в Иссе (Далмация) и *drossihi*, *blatŕes*, *blaves* мессапийских надписей. Принимая во внимание, что историческая традиция приписывает колонизацию далматинского побережья сиракузянам (*Ps.-Scymn.*, 414), автор полагает, что под водительством сиракузских греков в Далмацию переселились также южноиталийские мессапы и япиги, — племена, родственные иллирийцам, и что, следовательно, некоторая часть имен иллирийского происхождения в далматинских надписях должна быть отнесена за счет южноиталийского этнического элемента.

Ф. Папазоглу, Прилог датовану грчких натписа из римске Македоније, «Зб. филоз. фак.», III (1955), стр. 15—28. В греческих надписях из Македонии встречаются даты провинциальной македонской эры, начинающейся со 148 г. до н. э., а также даты, исчисленные от битвы при Акциуме (32 г. до н. э.) с примечанием: *ἔτος σεβαστῶν*. Основываясь на палеографических данных, автор показывает, что в эпоху империи, в особенности же в III в., были часты случаи употребления актийской эры без каких-либо примечаний, и это не раз вводило в заблуждение издателей.

Г. В. Орлов, Новые варианты виминацких монета царева Гордиана III и Филипа Оца, «Зб. филоз. фак.», III (1955), стр. 264—267. Публикация некоторых вариантов монет Виминация, чеканенных при Гордиане III и Филиппе I отце в 240—256 гг. н. э., когда эта римская колония пользовалась своим, полученным от Гордиана III, правом чеканки. Автор устанавливает, в частности, что на монете Филиппа, IV года эры Виминация, был изображен портрет Гордиана II, а на монете Деция Траяна, XI года, портрет Филиппа I.

М. Будимир, ΛΑΥΡΙΟΝ ΠΕΔΙΟΝ и Taurisci, Taurinum, «Зб. филоз. фак.», III (1955), стр. 269—289. Путем сопоставления с родственной топонимикой, автор устанавливает иллирийскую принадлежность племенного и местного наименований: тавриски, Таврунум. Он показывает также, что нередкий переход начального *d* в *l* и наоборот во фракийских и иллирийских именах, в их греческой транскрипции, позволяет связывать соседнее фракийское наименование *Λαύριον πεδίων* с именем таврисков, считая его дериватом этого племенного наименования.

М. Суић, Gdje se nalazilo jezero iz 24 pogl. Pseudo Skilakova Peripla?, «Glasnik», VIII (1953), стр. 111—129. Рассматривая вопрос о соответствии реальной географии данных перипла Псевдоскилака, автор показывает, что вся 24 глава перипла является позднейшей вставкой, текст которой имеет много географических несообразностей.

Р. Марџ, Прилози античкој историји Србије, «Старинар», III—IV (1955), стр. 25—42. Работа состоит из нескольких отдельных исследований, посвященных вопросам исторической географии и топографии Сербии. В первом из них («Данные греческих авторов о дунайских странах и начало эпохи железа в Сербии») автор критически рассматривает античные данные о среднем течении Дуная и объясняет с исторической точки зрения возникновение мифологических и географических представлений о бифуркации Дуная и о соединении его с Адриатикой. Автор рассматривает, в частности, дунайскую топонимику Аполлония Родосского из песни IV «Аргонавтики» и сопоставляет Кавлиакскую скалу со скалистым плато, на котором стоит современный Белград, а Ангурскую гору с находящейся в 20 км от Белграда горой Авала, известной уже и в древности своими рудными месторождениями. Рассматривая вопрос о дунайской географии Геродота, автор приходит к выводу, что он был очень точно осведомлен о течении р. Истра и его сведения нуждаются лишь в соответствующем истолковании. Однако собственные попытки автора отождествить геродотовы притоки Истра с реками дунайского бассейна далеко не всегда убедительно доказывают соответствие данных Геродота современной географической карте. Знакомство греков со средним течением р. Дуная автор объясняет тем, что уже в древности в этом районе разрабатывались железные и серебряные месторождения.

Второй этюд («Упоминали ли греческие писатели доримский Сингидунум?») посвящен вопросу об идентификации наименования римского лагеря у устья Савы — Сингидунума авторов эпохи империи. Это наименование автор считает кельтизированным иллирийским именем и производит его от гипотетического Singa, сопоставляя с засвидетельствованным Аполлонием Родосским для среднего течения Дуная именем синдов (Σίγγα, σίγγαιον — σίνδοι). Третий этюд посвящен вопросу о происхождении имени племени скордисков, названных так, по Птолемею (Geogr., V, 6, 8), от горы Скарда, которую автор локализует между Большой и Западной Моравой, Дунаем и Савой. Последний этюд выясняет положение Прокопиевой Аврелианы (De aedif., IV, 4) — наименование, которое автор сопоставляет с нумизматической легендой Metallis Aurelianis на медной монете этого императора. Автор локализует древнюю Аврелиану в местности, ныне называемой Косма, недалеко от древнего Сингидуна, где имелись древние рудные разработки и где были найдены упомянутые монеты.

В целом очерки представляют большей частью весьма проницательные и существенные для науки исследования, расширяющие и уточняющие наше понимание древних географических данных.

В. Миллан, Iliri i Prailiri, «Vjesnik», LIII (1952), стр. 7—12. Возражая ученым (прежде всего, Шухгарту), видевшим в древних иллирийцах два «слоя» — индоевропейский и доиндоевропейский (urillyrier), автор показывает, что все древнейшие местные имена северо-восточных берегов Адриатики являются именами индоевропейского происхождения. Таким образом, он устанавливает языковую однородность древнеиллирийской культуры, археологически восходящей к поздним этапам лужицкой культуры, что, по его мнению, соответствует древним представлениям о родственности пеласгов и пеласгической культуры с греками и римлянами и их культурой.

В. Жганжер, Kelti u Iliriku, «Vjesnik», LIII (1952), стр. 13—22. Статья распадается на два самостоятельных этюда: 1) о кельтах и далматах, 2) Сингидунум — Белград. В первом из них оспаривается мнение Патча (RE, IV, стб. 2454) о том, что древние иллирийские далматы были смешаны с кельтами. Хотя далматы и были соседями действительно смешанных с кельтами яподов и могли сами испытывать известный нажим со стороны кельтов, однако местные имена и другие языковые реликты иллирийской эпохи на далматской территории не содержат в себе кельтских элементов.

Во втором этюде автор выясняет происхождение древнего наименования Белграда — Сингидунум, указывает на широкое распространение первой части этого наименования: Сингидава в Дакии, Сингос в Халкидике и Сингиакум в Галлии. Это наводит его на мысль, что первая часть наименования Сингидуна — доиндоевропейского проис-

хождения. С другой стороны, он указывает на его сходство со славянским именем Сегедина, которое он толкует как «место при слиянии двух рек», что вполне совпадает с положением древнего Сингидуна.

М. М. В а с и ъ, *Аргонавти на Дунаву*, «Глас», ССХІІ, Од. др. н., № 2 (1953), стр. 67—96. Исследование распространения в дунайском бассейне некоторых сортов древней керамики; во-первых, определяемой автором в качестве «ионийского буккеро», далее с черным пролощенным орнаментом и, наконец, керамики с рельефной геометрической орнаментацией. Автор рассматривает культуру среднего течения реки Дуная как производную в значительной степени от ионийской. Он считает, что эти места были столь же посещаемы греками, как и берега Адриатики. Версия сказания об аргонавтах, ведущая Арго по Дунаю в Адриатическое море, — не более как отражение реального ионийского мореплавания в этом бассейне с торговыми и рыболовными целями. Идея бифуркации Дуная — отзвук рассказов о реальных связях бассейна среднего течения реки Дуная с Адриатикой по р. Саве.

Р. L i s i љ a r, *Črna Korkira i kolonije antičkih grka na Iadranu*, Skopje, 1951, 144 стр. + XIX табл. Рассмотрение письменных и археологических данных об античных поселениях восточных берегов Адриатики. Особое внимание автор уделяет вопросу об иллирийском этническом и культурном элементе в восточной Адриатике. В работе специально исследуется проблема книдской колонизации Черной Коркиры (соврем. Корчула), которую автор склонен относить к VI—V вв. до н. э. — на основании археологических данных и истории колонизации берегов Адриатики из других древнегреческих центров. Особая глава посвящена греческой надписи из Лумбарды на о. Корчула, содержащей псефизму о распределении клеров между основателями греческой колонии. Касаясь упомянутых в надписи Ἴσσαιοί, которых считают жителями греческого города Иссы, он склонен определять их скорее в качестве местных жителей (иллирийцев) из Иссы и Черной Коркиры. Изучая встречающиеся в надписи собственные имена, автор приходит к тому выводу, что община, от имени которой составлена псефизма, была смешанным (миксэллиническим) поселением. Автор выясняет значение упомянутых в надписи ἐφέροπτες τῆς πόλιος как городской аристократии и в связи с этим изучает имущественную и социальную дифференциацию членов общины.

М. Б у д и м и р, *Грци и пеласги* (Српска академија наука. Посебна издања. CLXVII, Од. лит. и ез., кн. 2), Београд, 1950, 70 стр. отождествляя древних иллирийцев с пеласгами (или как он считает более правильным их называть, — пеластами, основываясь на схолии к Илиаде, XVI, 233), автор находит иллирийско-пеласгические элементы в греческих и итальянских диалектах, в древнейшей культурной балканско-апеннинской общности. Последнюю он усматривает, например, в восьмилетней системе исчисления времени. Разделяя, подобно многим другим ученым, мнение о смешении на Балканском и Апеннинском полуостровах местных доиндоевропейских языковых и культурных явлений с привнесенными извне индоевропейскими, он во всех областях культуры пытается обнаружить следы этого смешения двух различных начал: даже самый строгий греческого гексаметра содержит, по его мнению, следы подобного двойственного происхождения.

Р. М а р и љ, *Студије из историје, језика и старине*, «Глас», ССШ, Од. др. наука, н. с., № 1 (1951), стр. 83—105. Под этим названием объединено несколько этюдов, имеющих самостоятельное значение, из которых нами рассматриваются лишь наиболее существенные:

І. «К древнейшей истории Белграда». Рассматривая происхождение наименования римского Сингидуна, находившегося на месте позднейшего Белграда, автор указывает, что основа этого фракийского, позднее кельтизированного имени — Signa —, сохранилась еще в эпоху средневековья в имени острова на Дунае, расположенного в 30 км от Сингидуна. Далее, автор предлагает локализовать на месте нынешнего Железника, где обнаружены следы сооружений римского времени, упоминаемую итинерариями между Сингидуном и Таврунумом civitas Confluentes.

II. «Новые надписи из Маргума (соврем. Орашье); к экономической истории римской Сербии». Публикация двух латинских клейм, оттиснутых — одно на обломке кирпича, другое — на тулове амфоры, датируемой концом I — началом II в. н. э. Первый из этих текстов автор читает как (I)glina Marg(ensis) P. Pe(rcenii) [q(uestoris) Marg(i) соответственно аналогичному штампу на кирпиче из Виминация. Находка свидетельствует о существовании в древнем Марге производства кирпича, которое автор считает частным предприятием, принадлежавшим, может быть, квестору Марга. Вторую надпись автор восстанавливает как T(iti) Fl(avii) Tal(iatense vinum natum diffusum) ann(o) I, на основании аналогичных текстов в CIL, XV, 4539. Географическое наименование Taliaata засвидетельствовано Птолемеем для территории древней Сербии между Маргом и Эгетой, близ современной Доньи Милановца, где имеются остатки поселения римской эпохи. Таким образом, в этом пункте в I—II вв. н. э. имелось виноделие и гончарное производство (амфора с клеймом была изготовлена специально для местного талиатского вина).

D. Rendič-Miocevič, *Onomastička pitanja za teritorija ilirskih Dalmata*, «Glasnik», VI (1951), стр. 33—47. Рассматривая собственные имена, встречающиеся в происходящих из древней Далмации надписях, автор извлекает из них значительный материал, характеризующий социальные отношения иллирийских далматов римского времени. Употребление в ранних надписях одного лишь преномена без патронимиков, а также литературные и археологические данные о древних далматах указывают, по его мнению, на то, что еще в эпоху Августа последние жили в условиях родового строя и не имели частной собственности. Свидетельством разложения рода и выделения патриархальной семьи являются надписи племенных вождей (principes), экономическое укрепление которых основывалось на развитии частновладельческих отношений и появлении патриархального рабства, которое автор, однако, не считает существенным социально-экономическим фактором. Распространение патриархальной семьи и частной собственности характеризуется появлением патронимиков в надписях, с прибавлением обозначения filius или без него. Развитие сельского хозяйства подтверждается распространением культа Сильвана. Надписи показывают, как с углублением романизации в Далмации распространяется и римская форма семьи — из прозвищ образуются родовые имена. Этим символизируется окончательная победа классового общественного порядка над родовым, правда, лишь в городских центрах (муниципиях).

М. Б у д и м и р, *Протословенски и староанадолски индоевропљани*, «Зб. филоз. фак.», II (1952), стр. 255—280. Протославянские имена отделяются географически от древнегреческих палеоанаатолийскими именами: автор показывает это на анализе местных наименований «скифского» и хеттского круга, а также и на других языковых явлениях. При этом он производит целый ряд, с нашей точки зрения, весьма плодотворных сопоставлений, ставя в один ряд Rhiphaia, Arhimphēi, Argirpaioi и сопоставляя их со славянским chribu (хребет), а до сих пор никак не отождествлявшееся и ни с чем не ассоциировавшееся «скифское» наименование Kardia (у Гезихия), со славянским ghordh, город и с древнеанаатолийским kerta. В глубокой древности существовала единая этническая и языковая среда, представленная пеласгами, иллирами, яподами, микенцами (ахейцами), критянами, объединенными также и значительной культурной общностью, которую автор усматривает в отдельных, более или менее явных, пережитках матриархата и в сакральном значении числа восемь.

М. Б у д и м и р, *Александус*, «Историски часопис», I (1948), № 1-2, Београд, 1949, стр. 12—23. Вслед за Б. Грозным, указывавшим на неслучайность сходства хеттского имени Alexandus с греческим Alexandros, автор прослеживает родственные звучания в греческих и малоазийских именах, сопоставляя Alexandros, с одной стороны, и xanthos, с другой, с такими именами, как Skamandros, Maiandros, Antandros и др. Параллелизм греческих ахейцев и achiyava хеттских источников он подкрепляет такими примерами как Ахайа на о. Родосе и urachaioi в Киликии.

Р. М а р и њ, *Један приповедни мотив у натписима из Епидаура*, «Жива антика», IV, I (1954), стр. 90—92. В известной эпидаврской надписи, сообщающей об исцеле-

ниях, происшедших в храме Асклепия, содержится рассказ о том, как Асклепий даровал новые глаза Антикрату из Книды, потерявшему зрение на войне. Автор прослеживает широкое распространение этого сказочного мотива в древнем Египте, а также в сказках балканских народов нового времени.

М. П. Б у р и џ, *Тукидид и негово дело*, «Зб. филоз. фак.», II (1952), стр. 333—376. Характеристика методики и научных приемов Фукидида, которой предпослан разбор античных и византийских данных его биографии.

М. М а р к о в и џ, *Ad Heracliti frg. V*, «Зб. филоз. фак.», II (1952), стр. 377—382. Указывая на противоречивость и недостаточность истолкований этого отрывка Гераклита у Дильса (Fr. d. Vorsocr.⁴, 12, B2), у Д. Недельковича («Хераклит», Београд, 1924, стр. 12) и у Г. Майнарича (H. Majnarić, Heraklit, Zagreb, 1951, стр. 34), автор предлагает свой перевод (в сопоставлении с Нирросг., De morbo, 1), толкующий место в том смысле, что очищение кровью бесполезно для того, кто запятнал себя ею.

М. Н. Б у р и џ, *Софисти и нјихов историски значај*, «Зб. филоз. фак.», IV (1955), стр. 521—589. Софисты, как представители греческой теоретической мысли, рассматриваются всесторонне, хотя на первый план выдвинуто исследование их исторического значения. Автор подчеркивает большую произвольность позднейших суждений о софистах, ввиду отсутствия подлинно софистических сочинений, на изучение которых могли бы опереться исследователи. Софисты при известной общей демократической тенденции были весьма различны в своих политических стремлениях. Алкидам в своем требовании освобождения всех рабов представлял собою лишь крайность, подобно Антифону с его утверждением анархического беззакония. Софистов объединяет их рационализм и позитивизм, проявившиеся в беспощадной критике не только концепций, основанных на мифологических представлениях, но также и в спекулятивно-космологической философии. Софисты провозглашали первенство человеческого разума, в смысле утверждения антропоцентрического мировоззрения, соответствующему которому человек вместе с его культурой является мерою всех вещей. Этим определяется и историческое значение софистики как философского направления, открывшего для греческой науки новые пути своей разработкой научной диалектики. Этим софисты оказали существенное воздействие на все отрасли науки, в том числе и на историческую науку, плодом чего в значительной мере явился труд Фукидида.

Б. Н е с т е р о в и џ, *Архитектура старого века*, Београд, 1952, 513 стр., 631 илл. Популярная история архитектуры древних народов (в том числе Индии и Китая). Предпосылая своему изложению очерк истории первобытной архитектуры, автор не ограничивает изложение истории архитектуры классического Востока архитектурой Египта и Месопотамии, но останавливается также на архитектуре Сирии и Малой Азии. История античной архитектуры предпослан очерк архитектуры древней Эгеиды, Крита, Трои и Микен. Изложение построено на широком общеисторическом и историко-культурном фоне.

Р. М а р и џ, *Жаба как символ солнца*, «Жива антика», IV, 2 (1954), стр. 278—279. Автор оспаривает этот тезис, высказанный в заглавии статьи и принадлежащий М. Деонна (BSN, LXXIV (1950), стр. 1 сл.). Он показывает, что слова Публилия Сира (Publ., 1803): «Лягушка в болоте соскочила с золотого трона» относятся к фабуле сказки о царевне-лягушке и представляют собой известный фольклорный мотив, с той лишь разницей, что в античной сказке в лягушку обращался царь, а не царевна.

М. В. Г а р а ш а н и н, *К проблеме Димини миграције*, «Glasnik», VII (1952), стр. 27—40. Рассмотрение давно и широко дебатированного в науке вопроса о связи древнефессалийской культуры эпохи энеолита и ранней бронзы (культуры Димини) с северобалканскими энеолитическими культурами крашеной керамики. Автор отрицает возможность установления прямой зависимости между названными культурами, поскольку внимательное изучение не дает абсолютных совпадений ни в орнаментике, ни в технике керамики. Совпадают лишь керамические формы, распространение которых наблюдается далеко за пределами рассматриваемых культур. Автор находит возможным говорить лишь о зависимости и связи северобалканских и причерноморских энео-

литических культур между собою. Так, он допускает влияние западноболгарской Боянской культуры на культуру Гумельницы (Румыния), хронологически более позднюю, чем Боянская культура, и синхронную культуру Винчи, в отношении хронологии которой автор придерживается общепринятой точки зрения.

Б. Б. Гавела, Винча и иллири, «Старинар», III—IV (1955), стр. 16—24. Автор выступает против теории К. Шухгардта (C. Schuchhardt. Vorgeschichte v. Deutschland, 1939, стр. 84), видевшего в носителях культуры, представленной в Винче, праиллиров. Он показывает, что характерная для собственно иллирийской территории керамика имеет мало общего с характерной как для ранней, так и для поздней стадии Винчи ленточной керамикой и с весьма богатой и разнообразной терракотой. Незаметны в Винче также и признаки «индогерманизации», на которых настаивал Шухгардт, определяя их, в частности, как усиление иллирийского элемента. И наоборот, наличие в Винче керамики паннонских типов позволяет автору установить близость Винчи к Луужицкой культуре и в особенности к ее позднему периоду, так называемому биланско-палатенскому (в Силезии), продолжающемуся вплоть до латенской эпохи. Появление же в Винче паннонской керамики относится к VIII в. до н. э.; это совпадает, по мнению автора, с концом эпохи бронзы в данном районе дунайского бассейна. Автор производит весьма любопытное сопоставление «паннонской» керамики в Винче, характеризующейся формами, близкими к урнам Вилланова, и «рогатыми» ручками (ansa cornuta), со знаменитым сосудом в виде птицы, относящимся к ранним горизонтам Винчи.

М. М. Васько, Лонска колонија Винча, «Зб. филоз. фак.», I (1948), стр. 85—235. Детальное исследование — в свете широких археологических и исторических параллелей — археологических материалов, найденных при раскопках древней Винчи. Автор устанавливает культурный параллелизм между ионийскими колониями побережья Черного моря и древнейшими слоями Винчи, равно как и ионийских некрополей с некрополем Винчи, ближайшей аналогии которому в отношении устройства могил и погребального инвентаря он находит на о. Березани. Несмотря на единичность предметов, которые могли бы быть сочтены за более или менее несомненные образцы ионийского импорта, автор склонен видеть в поселении Винчи ионийскую колонию, возникшую в качестве рыболовной станции несколько позже Истроса и других ионийских колоний черноморского побережья. Работа содержит весьма детальную характеристику находок, в первую очередь, керамических, а также статуэток и других предметов ритуала и культа, для которых автор находит достаточно параллелей во Фракии, на о-вах Эгейского моря, на Крите и даже в Египте. Основными занятиями населения Винчи были, судя по археологическим данным, земледелие, рыболовство и рудное дело.

М. М. Васько, Тенедос и Винча, «Глас», ССХIV, Од. др. наука, н. с., № 3 (1954), стр. 111—118. Рассматривая предметы погребального культа, найденные в Винче и в ее непосредственной близости — двойную бронзовую вотивную секиру labris и фрагментированную глиняную урну с обращенными в разные стороны рельефными изображениями человеческого лица, автор связывает эти вотивы с культом Зевса-Диониса. Ближайшим к Винче центром этого культа являлся, судя по нумизматическим данным, о. Тенедос, лежащий на пути ионийской колонизации берегов Черного моря. В Винчу, по мнению автора, культ этот мог быть занесен вряд ли ранее конца VII — начала VI в. до н. э., поскольку возникновение поселения в Винче он относит ко времени, непосредственно следующему за колонизацией берегов Фракии.

М. М. Васько, Дионисос и наш фолклор, «Глас», ССХIV, Од. др. наука, н. с., № 3 (1954), стр. 129—137. Детальное исследование культа Диониса, в особенности в его малоазийских и фракийских проявлениях, и его связей с различными местными божествами. Рассматривая позднейшие оргиастические празднества в современных селениях Дубоке и Кости, автор возводит его происхождение к дионисийскому оргиазму иллирийцев и фракийцев и считает многие его черты занесенными из Малой Азии по Дунаю — артерии, по которой ионийцы в поисках металлических руд проникали во Фракию.

М. М. В а с и џ, *Хтонско-аграрниј култ у Винчи*, «Глас», ССП, Од. др. наука, н. с., № 1 (1951), стр. 33—60. Изучая могилу, корреспондирующую с древнейшим горизонтом Винчи и содержащую 9 скелетов, автор отмечает в ней наличие ботров (колодцев или ям ритуального назначения) и ритуального же очажного места (εσχάρα). Все это говорит, по его мнению, о наличии в Винче хтоническо-аграрного культа, в известной степени грецизированного, о чем свидетельствуют, якобы, находки в названных культовых местах лесбосской чернолощеной керамики (буккеры) VII—VI вв. до н. э. Эти находки имеют важное значение для хронологии Винчи, поскольку они происходят из ее древнейших слоев. Существенны они и для определения происхождения и предмета самого культа. Женские votivные статуэтки Винчи автор считает изображениями Геры, культ которой, имевший также и хтонический характер, засвидетельствован для Фракии и Мезии. Известные в Винче в небольшом числе сидящие (или коленопреклоненные) статуэтки автор склонен связывать с аграрными божествами Демией или Ауксезией (ипостасями Деметры и Керы). В заключительной части работы рассматриваются пережитки античного хтонического культа в сербском фольклоре.

М. М. В а с и џ, *Однос винчине пластике према грчкој архајској пластици*, «Глас», ССП, Од. др. наука, н. с., № 1 (1951), стр. 1—32. Определяя зависимость форм мраморных и алебастровых статуэток, найденных в культурных слоях Винчи, от архаической ионийской, а также египетской пластики саисского времени, автор относит к архаической эпохе и соответствующие слои Винчи (VII—VI вв. до н. э.), указывая, что ионийская колония в Винче могла возникнуть лишь после основания Истроса (656 г. до н. э.). Устанавливая восточное происхождение алебаstra, послужившего материалом для статуэток из Винчи, автор полагает, что разрыв между нижним и верхним залеганием алебастровых статуэток, которые он определяет как архаические и эллинистические, вполне соответствует подобному же hiatus'у в истории древнегреческой алебастровой пластики. Несмотря на примитивизм и схематизм статуэток Винчи (преимущественно фигурки курсов и кор), изучение их форм и стилистических деталей (трактовка глаз, пальцев ног, головные уборы, одежда и т. п.) позволяет отметить целый ряд совпадений с архаической ионийской и египтизирующей (саисской) пластикой.

М. М. В а с и џ, *Crepundia и Symbola*, «Глас», ССХIV, Од. др. наука, н. с., № 3 (1954), стр. 165—172. Некоторые предметы, найденные в Винче: изображения птиц, двуглавые привески, привески в виде расходящихся лучей автор считает votивами и религиозными символами, параллели которым он находит в материковой, островной и малоазийской Греции. Эти сопоставления убеждают автора в принадлежности эллинистическому времени тех слоев Винчи, в которых были найдены (на глубине 4—4,5 м) упомянутые предметы.

Ј. К о р о џ е к, А. В е н а с, М. Г а р а џ а н и н, Д. Г а р а џ а н и н, *Око «problemатике» Винче*, «Glasnik», VI (1951), стр. 5—32. Авторы этой статьи протестуют против приемов, с помощью которых М. М. Васич доказывает происхождение древней Винчи как ионийской фактории в VII—VI вв. до н. э. Они указывают на то, что Васич игнорирует целый ряд фактов первостепенной важности: отсутствие в Винче металла, отсутствие керамики, изготовленной на гончарном круге, чрезвычайную примитивность винчанской пластики и т. д. Он отвлекается от того, что в Винче не найдено никаких подлинно ионийских или происходящих из материковой Греции предметов и не учитывает, что поселившиеся в Винче греки должны были бы хоть до какой-то степени сохранить свойственный им на родине жизненный уровень. То, что Васич называет керамикой «буккеры», в действительности не является таковой; керамические орнаменты рассматриваются им оторванно от техники и от керамических форм, что недопустимо, так как одинаковые орнаментальные мотивы могут встречаться от неолита до средневековья. Паннонская же керамика из находок в Винче, которую Васич совершенно произвольно считает поздней, в действительности датируется микенскими металлическими изделиями. Васич, по мнению авторов статьи, искажает реальные археологические факты, в частности, во многих случаях определяет как могилы то, что в действи-

тельности ими не является, называет герооном обычное жилище со следами пожара, и т. д. Авторы подчеркивают, что только тщательная проверка археологических фактов, почерпнутых из раскопок Винчи, может дать правильные ответы на все спорные и темные вопросы.

Б. Б. Гавела, *Однос кикладских идола и египетских ushabti — фигура према винчанским статуетам*, «Зборник», I (1948), стр. 327—340. Выступая против распространенного в литературе мнения, принятого также и М. М. Васичем (Преисторијска Винча, I, стр. 143), в отношении материала из находок на некрополе Винчи, автор полагает, что кикладские каменные и терракотовые идола, находимые в погребениях, а также и вне погребений, являются изображениями божеств. Следовательно, они не имеют ничего общего с египетскими ушебти, клавшимися в могилу в качестве изображения, символизирующего самого умершего.

М. С и џ, *Liburnski nadgrobni spomenik («Liburnski cipus»)*, «Vjesnik», LIII (1952), стр. 59—97. Исследование своеобразных конической формы надгробных памятников из камня, известных в северной Далмации, на территории, связанной с именем племени древних либурнов, и датирующихся первыми столетиями н. э. Автор приходит к заключению, что эти сооружения представляют собой пережиток культуры древних либурнов, которых греческая мифологическая традиция связывает с феаками царя Алкиноя, относя их, таким образом, к догреческому периоду средиземноморской истории. С либурнами склонен связывать автор и некоторые доиндоевропейские языковые пережитки, сохранившиеся на севере Далмации в исторические времена. Он указывает, кроме того, на наличие пережитков матриархата у либурнов исторических времен, отмеченных Псевдоскилаком и Страбоном, а также на обилие имен женских божеств (местных ипостасей Афродиты). Об известном религиозном консерватизме свидетельствует, по его мнению, и господство обряда трупоположения в Либурнии, сходного с соответствующими явлениями в археологии древнего Пицены (на востоке средней Италии). В связи с этим автор ставит вопрос о балканском происхождении своеобразной архаической цивилизации Пицены.

Д. Гарашанин, *Археолошки споменици у Београду и околини*, «Годишњак музеја града Београда», I (1954), стр. 45—98. Обзор археологических памятников, происходящих из раскопок и случайных находок в окрестностях Белграда. Автор излагает историю заселения территории Белграда вплоть до раннесредневекового времени и публикует важнейшие эпиграфические памятники, образцы скульптуры, керамики и т. д. Некоторые из этих памятников бесследно исчезли во время Второй мировой войны, и сопровождающие статью воспроизведения являются их единственной документацией.

Ф. Старе, *Ilirske najdbe železne dobe v Ljubljani*, Lubl., 1954, 135 стр. + LXXXV табл. Публикация археологического материала эпохи раннего железа, происходящего из раскопок древнеиллирийского некрополя на территории современной Любляны, центра нынешней Словении (древнеримской Эмоны). Некрополь расположен на дворе Словенской академии наук и искусств и раскапывался в 1948—1950 гг. лишь частично.

М. Васич, *Кличевачка некропола*, «Старинар», н. с., III—IV (1952—1953), 1955, стр. 1—17. Публикация материала из раскопок некрополя у Кличевца, относящегося к эллинистической эпохе и представляющего своеобразную местную культуру под сильно преломившимся греческим влиянием. Любопытны керамика, имеющая нечто общее с позднеапулийской керамикой, также развившейся под греческим и этрусским влиянием, и терракотовые статуэтки, одна из которых, с грубой геометрической орнаментацией, имеет параллели в Керчи, среди местных терракот с подвесными членами.

А. Бенас, *Način stanovanja u prehistoriskim periodima Bosne i Hercegovine*, «Glasnik», VII (1952), стр. 121—138. Суммируя результаты археологического изучения территории Боснии и Герцеговины, автор пытается извлечь из материала данные историко-бытового и социального характера. Он указывает, что для неолитической эпохи характерны открытые поселения на берегах рек, с жилищами в виде землянок. Раскопки (1949—1951 гг.) поселения Небо, в долине р. Билы, относящегося к Бутмирской культуре, показывают, что верхние части землянок держались на жердях и были об-

мазапы глиной. Загоны для скота (в Бутмире) также были выстроены из жердей, а хранилища припасов устраивались в земле, в ямах. Существовали жилища и на поверхности почвы, воспроизводившие все же в плане форму землянок.

Переход к эпохе бронзы связан, по мнению автора, с резкой экономической и социальной трансформацией, поскольку поселения из открытых становятся защищенными и укрепленными. Наиболее характерные из них — пещерное поселение Грустовача, около Санского Моста и Градина над Алиходжей (в долине Била).

Эпоха раннего железа связывается с именем иллирийцев. Поселения этой эпохи представляют собой возвышенные сооружения на сваях, типа террамар или свайных поселений, но не на озерах, как в Швейцарии и других местах, а на реках. Образцом этого типа поселения служит хорошо исследованная палафитта близ Доњей Долипы, где прямоугольные жилища, состоящие из трех помещений с чердаком, расположены террасообразно. Некоторые из поселений имели оборонительные сооружения. Развитие подобных поселений эпохи железа характеризуется сохранением отмеченных бытовых и архитектурных форм, при все усиливающемся кельтском и греческом влиянии.

D. Sergejevs ki, Kasno-antički spomenici iz Sipova, «Glasnik». VII (1952), стр. 41—57. Публикация и исследование остатков древней семейной усыпальницы (как это явствует из сохранившейся латинской надписи), найденной в конце прошлого века на берегу р. Пльва, близ г. Шипова (в западной Боснии). Мавзолей был украшен фронтоном с портретными и символическими изображениями в сильно варваризованном стиле, свидетельствующими, однако, о том, что долина реки Пльва находилась в древности в тесных отношениях с романизованным побережьем Адриатики (т. е. с Салоной) и поселение (муниципий), находившееся на месте современного Шипова, было относительно крупным и богатым.

D. Sergejevs ki, Kasno-antički mauzolej u Turbetu, «Glasnik», VI (1951), стр. 135—145. Публикация и исследование результатов раскопок древнего мавзолея, открытого в 1942 г. в Турбете, близ Травника (Босния). Архитектура мавзолея необычна сочетанием гипогея с наземным сооружением. Автор находит ей параллели в римской Салоне и датирует мавзолей IV—V вв. н. э.

B. Gabričev ič, Liturgijsko značenje prikaza na reversu Mitrine kultne slike, «Glasnik», VII (1952), стр. 19—25. Изучая изображения на фрагментированном рельефе из митреума в Коньце, открытого в 1897 г., автор отмечает значительное своеобразие публикуемых им изображений и констатирует, что темой их были следующие моменты митраистского ритуала: пиришествие верных, пиришествие Митры и Солнца и сцена тавроктонии. Попутно с выяснением культового значения указанных сцен, автор отмечает также и некоторую эволюцию самого митраистского культа и его мистических идей, которую он претерпел на западе в IV в. н. э.

J. Korošec, Sloveni i drvena kultura, «Glasnik», VI (1951), стр. 65—79. Оспаривая теорию болгарского археолога Миятева («Славянская керамика в Болгария и нейното значение за славянската археология на Балкана», София, 1948), соответственно которой доисторические славяне употребляли лишь деревянные изделия, вследствие чего от их древнейшей культуры не сохранилось археологических следов, автор, принимая точку зрения советских ученых, относит возникновение славянских племен к концу античного периода, а происхождение их культуры ищет, соответственно, в культуре древних венетов, лужичан, дьяковской культуре и т. д. Он оспаривает также мнение польского лингвиста Лера-Сплавинского, поддерживающего теорию восточного происхождения славян.

J. Korošec, Neki elementi slovenske materialne kulture VI i VII veka, «Glasnik», VII (1952), стр. 5—17. Автор отрицает возможность местного происхождения культуры западных славян на основе лужицкой культуры, ввиду значительного промежутка времени, разделяющего ее позднейшие проявления и раннеславянскую культуру. К наиболее древним и достоверным памятникам последней он причисляет керамику так называемого «пражского» типа, датирующуюся временем от V в. н. э., а также некоторые характерные бытовые предметы из погребений: кресала, гребни и т. д. В качестве образцов древнейших славянских жилищ он называет польские землянки, в ка-

честве культовых памятников — древнеславянское святилище в Птуе, VII в. н. э. К этому же времени относятся моравские купольные гробницы. Автор придает большое значение, в отношении установления истоков славянской культуры, выводам Б. А. Рыбакова и И. Вернера («Reinecke Festschrift», 1950, стр. 150 сл.), независимо друг от друга пришедших к одинаковым результатам в отношении признания дисперовского происхождения за эмалями Мощинского клада и «готскими» фибулами могильника Суук-су. Вернер, привлекающий также и западный материал, видит в культуре Суук-су один из этапов славянской экспансии в VII в. н. э. Он включает в область славянской культуры также и Мартыновскую культуру с ее разновидностями, к которым принадлежат, по его мнению, Чадавица в Югославии и некоторые древние поселения на Украине. Автор считает неудачной попытку Кастелица («Varstvo spomenikov», Lubl., 1949, стр. 61 сл.) включить в круг раннеславянских памятников могильник в Блеле, культура которого, по мнению автора, имеет скорее древнегерманские черты.

Л. Е.